

Николай Добролюбов

**Физиологическо-
психологический
сравнительный...**

Николай Александрович Добролюбов

Физиологическо- психологический сравнительный взгляд на начало и конец жизни

«...Психологические идеи г. Берви относятся более к младенцу, находящемуся в утробе матери, а физиологические исследования – к мёртвому трупу, в котором уже прекратились все физиологические отправления. В трупе этом г. Берви уловляет некий дух и подвергает его физиологическим соображениям, не подозревая того, что дух, отделяющийся при гниении трупа, подлежит уже не физиологии, а химии...»

**Николай Александрович
Добролюбов
Физиологическо-
психологический
сравнительный взгляд на
начало и конец жизни**

*Сочинение заслуженного профессора В.
Берви. Казань. 1858 г.[1]*

Продолжение жизни мало интересует г. заслуженного профессора Берви; заботу о продолжении жизни он считает даже материальным направлением, ведущим к грубому сенсуализму. Чтобы стать от материи сколько возможно далее, и чтобы, по его выражению, «содействовать по силе возможности» отвлечению человека от забот о настоящей жизни, г. заслуженный профессор Берви бросает физиологическо-психологический взгляд на человека – до его рождения и после его смерти, т. е., говоря поэтически,

*Конец с началом сопрягает
И смертью живот дарит...[2]*

Психологические идеи г. Берви относятся более к младенцу, находящемуся в утробе матери, а физиологические исследования – к мёртвому трупу, в котором уже прекратились все физиологические отправления. В трупе этом г. Берви уловляет некий дух и подвергает его физиологическим соображениям, не подозревая того, что дух, отделяющийся при гниении трупа, подлежит уже не физиологии, а химии. Для всякого другого смешать химию

с физиологией в наше время довольно трудно; но для г. Берви это было легко, потому что он не хочет принадлежать нашему! времени и всячески хлопочет о том, нельзя ли как-нибудь уничтожить, убить его, наше-то время. С такою целию издал он свой физиологическо-психологический взгляд, в котором выражает, между прочим, своё неудовольствие на то, что все естественные науки обратились к материальным исследованиям, полезным для настоящей жизни. Такое направление естественных наук для г. Берви пуще ножа вострого. Из-за естественных наук он негодует на всё наше время, и, прочитав его брошюру, мы вполне понимаем причину, негодования г. заслуженного профессора и даже сочувствуем ему в его печальном положении, хотя, к сожалению, пособить его горю ничем не можем. В самом деле, каждая страница физиологическо-психологического взгляда г. Берви доказывает, что он изучал естественные науки когда-то давным-давно, в отдалённые времена, когда Шуберт и Эшенмайер царили в области антропологии, а может быть, и ещё раньше, в те доисторические времена, когда

ещё и Лавуазье не было. Кажется, мы немного погрешили бы, если бы даже отнесли время образования г. Берви; к: средним векам, судя по тому, что он, для подтверждения своих мнений, приводит латинские цитаты из Бэкона, Сенеки, Цицерона, и даже (кажется, в объяснение всей своей брошюры), – латинскую пословицу: *errare humanum est*, что, как известно, означает: человеку свойственно ошибаться. Исследования новейших натуралистов совершенно неизвестны г. Берви. Более всего основывается он на авторитете Плиния; изредка зазывает на Blumenбаха, на Бугенвилля, а из новых знает только «своего учёного сотрудника, П. А. Пелля, осязательно доказавшего, как обманчивы все выводы, долженствовавшие доказать превращение овса в рожь» (стр. 61). Мудрено ли же, что, при таком состоянии своих познаний, г. Берви крайне недоволен нашим временем, в которое естественные науки сделали такой огромный шаг вперёд, примиривши философские рассуждения о силах природы с результатами опытных исследований над матернею. Ныне в естественных науках усвоен положитель-

ный метод, все выводы основываются на опытных, фактических знаниях, а не на мечтательных теориях, когда-то и кем-то составленных наобум, и не на тёмных гаданиях, которыми в старые времена довольствовались невежество и полужнание. Ныне уже не признаются старинные авторитеты, пред которыми благоговеет г. Берви, да и вообще авторитеты в деле научных исследований не имеют большого значения. Молодые люди ныне не только парацельсовские мечтания называют, не обинуясь, вздором, но даже находят заблуждения у Либиха, о котором г. Берви, кажется, и не слыхивал, читают Молешотта, Дюбуа-Реймона и Фохта, да и тем ещё не верят на слово, а стараются проверять и даже дополнять их собственными соображениями. Нынешние молодые люди, если уж занимаются естественными науками, то соединяют с этим и философию природы, в которой, опять, следуют не Платону, не Окену, даже не Шеллингу, а лучшим, наиболее смелым и практическим из учеников Гегеля.[3] Как же на всё это не сердиться г. Берви, когда он в философии остановился на Фихте, которого,

впрочем, не понимает, и которого учение (как сам г. Берви сознаётся на стр. 13) «представляется ему в какой-то туманной отдалённости». Кай не сердиться ему на, наше время, когда успехи естественных наук совершенно уничтожают его средневековые теории и делают его смешным не только в глазах специалиста, следящего за успехами положительных знаний, но даже и в глазах всякого образованного человека, родившегося немножко позже Лавуазье и Фихте. Г. Берви не любит нашего времени за то, что оно пережило его. Но время ли в том виновато? Кто же велел отставать? А если не хватило сил для продолжения пути, то зачем оставаться на дороге, понапрасну мешая другим? Не может же ход времени и знаний остановиться и дожидаться одного из адептов науки, хотя бы этот адепт был и профессором... Да, отстал, сильно отстал от науки г. заслуженный профессор Берви, и, право, нам от души жаль его. Нам всегда внушали грустное чувство – и запоздавшие осенью птички, не успевшие отлететь в тёплые страны, и воз, отставший от обоза и уныло подвигающийся один среди пу-

стынной дороги, и цыплёночек, который, заглядевшись по сторонам, не поспел, вместе с другими, за матерью, и потом мечется, как угорелый, отыскивая её там, где она была за минуту пред тем, но где теперь, увы! уж нет её, нет её!.. Подобно сим отставшим существам, внушил нам грустное чувство и г. Берви, стоящий, по выражению поэта, на распутии живых,

*Как будто памятник надгробный
Среди обителей людских...*

Из сожаления к г. Берви, мы хотели была вовсе умолчать о нём и его физиологическо-психологическом взгляде. Но после прочтения брошюры и краткого размышления, мы убедились, что наше сожаление к г. Берни совершенно напрасно. Мы увидели, что почтенный автор «Взгляда» стоит на той степени самодовольствия, которое вызывает не страдание, а чувство совсем другого рода. Он не сознаётся в своей отсталости, не старается даже ронять то, что выработано новыми исследователями, не хочет догонять опередивших; его, а, что бы вы думали? силится оста-

новить тех, которые мимо г. Берви идут по той же дороге знания. Он говорят, что естественные науки занимаются теперь не тем, чем следует, что они идут ложным путём, иначе сказать – он отвергает значение тех результатов, которые добыты положительными исследованиями нового времени. Что же это за задачи, которые, по мнению г. Берви, предстоят наукам и от которых они уклонились? Задачи эти весьма замысловаты, и если бы ОНИ не были исчерпаны в средних веках, то изобретение их сделало бы честь даже сообразительности Кифы Мокиевича.[4] Видите: психология должна стремиться; к определению разницы между жизненным началом и душою в человеке; физиология должна заниматься исследованием жизненных процессов в мертвом трупе; физика должна отыскать силу, отдельную от материи, а материк», свободную от влияния силы; химия должна, подвергая своему анализу тела, отыскивать в них что-нибудь сверхчувственное. Вообще, перемешивая науки естественные с нравственными, г. Берви налагает на натуралистов такое обязательство, какого никому, кроме средне-

вековых алхимиков, и в голову не приходило. Он хочет, чтобы физические исследования имели в виду не познание изменений и действий материи, а отыскание в материи – духа, архея, эфира, жизненной силы, словом чего-нибудь, только чтобы это «что-нибудь» не было положительным, материальным, а было что-нибудь «чувствам недоступное». Требование, разумеется, нелепое; но для г. Берви оно очень хорошо, потому, что таким манером он думает прикрыть своё незнание. «Не потому, дескать, я новейших исследований не привожу, что я не знаю их, а потому, что я их отвергаю, как вредные и нечестивые, ведущие к грубому сенсуализму. Не потому старых понятий держусь, что до новых не дошёл, а потому, что новые не заключают, в себе стремления к сверхчувственному». А когда так, то уже нечего и жалеть о положении оставшего, но самодовольного путника, тем более, что он сам же задирает тех, которые стараются идти вперёд, и ругается над ними. Мы более не хотим укрывать г. Берви и выставляем его забавлять почтеннейшую публику своими мистически-алхимическими взглядами,

которые в средние века, может быть, показались бы схоластической премудростью (sapientia scholastica), но ныне могут быть приняты не иначе, как за балаганное фиглярство. Будем открывать наудачу разные страницы; всё равно: на каждой есть какая-нибудь курьёзная штука.

Вот, напр., в самом начале исследования (стр. 6–7) вы находите сравнение рождения с смертью, в таком смысле: до рождения младенца мать его страдает; после рождения – радуется. Так точно после смерти человека родные и друзья его плачут и страдают. Что из этого? Слушайте:

«Это терзание, эта тоска, волнующие нашу грудь, ведут мне к успокоительному убеждению в бессмертии: подобно тому, как родовые потуги, предшествуя родам, предвещают радостное появление на свет нового человека» (стр. 7).

Не правда ли, как ловко умеет г. Берви обращаться с своим предметом? Он берется доказывать предмет, о котором между образованными людьми давно уже не существует

никаких сомнений, но, несмотря на всю лёгкость задачи, шутовским сравнением умеет обратить в смех самый предмет. Это даже лучше того остроумца, который доказывал, что умножение чиновников предвещает скорое просвещение государства, делая такое сравнение: заря занимается на небе пред восхождением солнца, всё освещающего; так чиновник занимается в департаменте пред распространением просвещения во всём государстве.

А вот как г. Берви компрометирует популярность изложения. На стр. 9 он говорит следующее:

«Кто взглянет на труп человека, или на застреленного зайца, или на зарезанную курицу, не останавливаясь скажет, что это суть тела мёртвые. Почему? Полому, что они перестали жить, лишились жизни. Следовательно, смерть лишает животное жизни, и мертвое тело есть отрицание живого, или нечто противоположное живому телу».

Повидимому, так нам кажется, можно так

думать, что г. Берви, почтенный г. В. Берви, г. заслуженный профессор В. Берви полагает, даже имеет убеждение и твёрдую уверенность в том, что популярность, простота изложения, общепонятность представления вещей или предметов состоит в том, не в другом чём заключается, как в том, чтобы повторять Несколько раз, много раз повторять, преворачивать на разные лады простые истины, самые простые положения, воем понятные вещи, предметы, ни в ком не возбуждающие недоумения. Почтенный г. В. Берви, автор «Физиологическо-психологического взгляда», г. В. Берви – нисколько, повидимому, не сомневается, что многократное повторение одних и тех же слов в разных видах – составляет популярность изложения.

К сожалению, почтенный автор не всегда держится такой популярности; почти на каждой странице попадают у него длинные периоды, непроницаемые для человеческого разума и даже лишённые логического, а иногда и грамматического смысла. Напр. на стр. 16 есть такой период:

«Если впечатления, полученные по-

средством внешних чувств, нас не ведут к познанию внешнего мира, так что мы не можем увериться в нашем духовном бытии, которое без содействия своего тела лишено самого знания, сего необходимого условия всех духовных деятельностей в сем мире».

Точка, читатели, точка. Чего вы ещё ждёте? Неужели вам мало того, что насаждал вам г. Берви в этой первой половине недосказанного условного периода? Если и тут уже нашлось «духовное бытие с своим телом», то что же нашлось бы ещё, если бы это «если» было приведено к желанному концу!

Если вы перевернёте два листа, то найдётся на стр. 21 ещё вот какой период:

«Подобно духу человеческому, одарённому свободною волею, жизненное начало проявляется в творящих качествах самостоятельным бытием, превращающим в круг действия оно-го поступившие вещества, соответственно своей цели, не подчиняясь общим законам физики и химии, которые минерал отклонять не может».

Не мы это сочинили; уверяем, что не мы.

Мы даже ничего не прибавили, ничего не убавили в словах г. Берви; даже правописание его мы сохранили.

Зато г. Берви очень остроумно умеет смеяться над скептиками, или, по его выражению, «nihilist'ами».

«Позволяю себе думать, ядовито замечает он, что nihilist'ы будучи укушены собакою в ногу (замечаете ли здесь тонкое выражение презрения?), или обрезавши себе палец, не примут боль, от этого происходящую, за призрак» (стр. 14).

Чрезвычайно остроумно и ядовито! Всем nihilist'ам должно быть очень совестно, после издёвок г. Берви! Жаль только, что ядовитые издёвки сии повторяются чуть ли не со времён Сократа; а на русском языке напечатаны в первый раз, кажется, в Письмовнике Курганова?[5]

Г. наслуженному профессору Берви не должна казаться обидным, что мы отнимаем у него честь изобретения остроты над скептиками. У него остаётся много изобретений, лично ему принадлежащих, и, чтобы угодить

Г. Берви, мы готовы передать некоторые, наиболее любопытные из них, нашим читателям.

На стр. 60 г. Берви говорит, что зародыш в утробе, лишённый познания внешнего мира, занимается *самосознанием*, Или, как! выражается почтенный профессор, с свойственной ему популярностью, – «погружён в субъективную ночь самосознания».

На стр. 36 г. Берви говорит, «что человек, как тело природы, не может уклониться от законов оной». На странице же 37-й прибавляет: «но, как неделимое, он преследует свою собственную цель и *изменяет всеобщие законы природы*».

Любопытно бы узнать от г. Верви, какие это *всеобщие законы природы*, которые человек, как неделимое, изменяет по своей воле?.. Впрочем, на стр. 25 находим положение, ещё более возвышающее над природою уже не только одного человека, но и всех животных. Г. Берви утверждает, что животные живут вне условий пространства, или, приведём лучше собственные слова г. Берви: «дух мира в сих телах (животных) проявляется действиями во времени, не стесняемыми пределами

пространства».

Изображая материнскую попечительность природы о животных, почтенный профессор указывает, между прочим, на стр. 26, цель, для чего животные чувствуют голод и жажду. «Дабы животное ведало о своих потребностях, – говорит он: – оно побуждается к удовлетворению их чувством голода, холода, жажды, и т. д.».

Впрочем, такая, доведённая до крайности, телеология иногда приводит автора к заключениям, которые не могут быть названы удачными. К числу таких неудачных выводов относим мы высказанную на 24 стр. мысль, что «часть равна своему целому». Г. Берви говорит, что «иные произведения природы суть чистейшие представители материи», и затем продолжает:

«Эти произведения не имеют собственного значения, ниже собственно-го центра, почему всякая часть оных по своему значению равна целому. Сюда относятся тела, составляющие в совокупности своей природу, так называемую, мёртвую: минералы, соли, во-

ды и т. п.».

Повторяем: это напечатано, слово в слово, на 23–24 страницах брошюры г. заслуженного профессора В. Берви: «Физиологическо-психологический взгляд на начало и конец жизни». – Нам могут сказать, что г. Берви разумел тут что-нибудь другое, а не величину, и что слова: «по своему значению», – изменяют дело в его пользу. Но мы спрашиваем Вас и г-на Берви: чем же определяется значение одинаковых по составу неорганических предметов, как не величиной? На чём, кроме величины, можете вы основать своё суждение о значении двух кусков чистого серебра различного веса, двух глыб одинакового гранита, мрамора, и т. п.? Нет, как ни смягчайте дело, а положение, что г. Берви считает части некоторых тел равными своему целому, остаётся во всей силе.

Скажут: не может быть, чтоб г. Берви не знал аксиомы, что часть всегда меньше своего целого. Нет, может быть. У нас есть на это аналогическое доказательство, очень убедительное. Вот что говорит г. Берви на стр. 50:

«Я полагаю, что у меня есть сердце, лёгкие, печень и т. д. Это есть умозаключение, на аналогии основанное, точно так, как я полагаю, что Юпитер и Сатурн суть тела, подобные нашей земле и имеющие, подобно ей, своих обитателей».

Видите, если б мы вам сказали: г. Берви не знает даже того, есть ли у Него сердце и лёгкие, вы (бы не поверили. Но надеемся – теперь вы поверите, когда мы привели его собственные слова. Он высказывает сам, что не знает наверное, есть ли или нет у него сердце: *я полагаю*, – говорит он, – *что есть – точно так, как я полагаю*, что есть на Сатурне жители... А ведь может быть, что их и нет... Это простая аналогия.

Так рассуждает г. Берви, и мы ничего не прибавили от себя к его мыслям. Можете справиться сами, если (не верите: затем мы и страницы везде выставляли, приводя мнения г. Берви.

Не правда ли, что всё это крайне забавно, и что приведённые мнения г. Берви одни были бы достаточны для того, чтобы избавить кри-

тику от труда возиться с его сочинением? Читатели, вероятно, давно уже дивятся, зачем мы хлопочем долго, выбирая разные диковинки из книжки г. Берви, когда довольно бы было в пяти строках предать её на общее посмеяние. Чтобы показать причину вашего внимания к г. Берви, мы приведём ещё выписку, уже последнюю, и она, конечно, покажет читателям, что тут одного смеха не довольно, что дело г. Берви даже вовсе не забавно. На стр. 4-й он говорит: «Я пускаю в свет то, что ежегодно преподаю моим слушателям», – и прибавляет: «слушатели мои – юноши и, как таковые, восприимчивы ко всему высокому, идеальному». – Вот где серьёзная – то и плачевная сторона вопроса. Пусть бы г. Берви мечтал, о чём ему угодно, пусть бы он проклинал современное развитие естественных наук, сомневался в существовании у себя сердца и лёгких, и в то же время верил, что часть равна своему целому и что животное есть хочет, собственно, для того, дабы ведать о своих потребностях. Но ведь всё это он преподаёт своим юным слушателям: вот в чём беда. И, по всей вероятности, преподаёт-то он

им что-нибудь ещё похуже; потому что, издавая в свет свои лекции, каждый профессор непременно старается обделать их получше. Да и, кроме того, лекция г. Берви доказывает, что она составлена – как будто на показ: крайне щеголевато и с избытком учёности, совершенно ненужной и, правду, сказать, крайне дешёвой. Тут идёт речь и о Сципионе, и о Регуле, и о Людовике XIV, и о Наполеоне, и о созвездии Вола, и о плодородии крыс, и о щуке, пойманной в 1497 г., и о трудолюбии пчёл, и о диких сибирских лисицах и пр. и пр. Тут приводятся стихи Вольтера и Гёте, говорится, что планету Нептун следовало бы назвать Ньютоном, что арабские лошади превосходны, что Северо-Американские Штаты суть ужасное зло в человечестве, и т. п. Позаботившись о том, чтобы вставить в свои лекции подобные, не относящиеся к делу рассуждения, г. Берви позаботился бы, конечно, если б мог, и о правильности своих научных понятий, и о логичности выводов, или, по крайней мере, – о толковости изложения. А то ведь, в самом деле, – предположим даже, например, что г. Берви и знает о том, что часть всегда меньше

своего целого (предположение смелое и сделанное совершенно a priori, без всяких фактических оснований; но предположим, в уважение профессорского звания г. Берви): легче ли от того его слушателям, если он с ними так объясняется, как написана вся его брошюра? Можно думать, что нисколько не легче. И вот кого надобно от души пожалеть в этом случае, а не самого г. Берви. Он уже потому; не заслуживает сожаления, что, несмотря на свою отсталость в науке и невероятные проступки против здравого смысла, «обладает невозмутимым самодовольствием. Но эти «восприимчивые юноши», находящиеся под его руководством, вполне достойны сожаления всякого образованного человека, тем более что они, во что бы то ни стало, непременно обязаны слушать г. В. Берви, как своего профессора.[6]

Комментарии

Опубликовано в «Современнике» (1858, № 3, стр. 30 и сл.). Печатается по Полному собранию сочинений, т. III, стр. 342–349. Статья написана в связи с отказом студентов Казанского университета слушать лекции Берви. Разбираемое здесь сочинение напечатано в «Учёных записках Казанского университета» (1858). Автор его – В. Ф. Берви, по окончании Медико-хирургической академии был судовым врачом, затем акушером. Узнав, что в Казани свободна кафедра физиологии, Берви хлопотал о назначении его туда профессором. Комиссии, рассматривавшие сочинения Берви, признавали их неудовлетворительными. Однако он был назначен профессором ввиду заявления министра просвещения князя К. А. Ливена, что «многие известные лица дали весьма хорошие отзывы о нравственных качествах Берви». Развитие экспериментального материалистического направления в физиологии испугало Берви. На своих лекциях он заявлял: «Материалисты воображают открыть нам тайны природы. Это для общего

блага страшное направление умов вменяет в обязанность каждому содействовать по силе возможности отражению идеи материализма». Это говорилось в середине 50-х годов, когда большинство русской молодёжи с увлечением изучало естественные науки. Студенты послали Берви письмо (подписало свыше 70 слушателей старших курсов), в котором просили его ввиду «преклонных лет и слабости» для общей пользы сложить с себя тяжёлую обязанность «профессора, требующую сил свежих и молодых». Берви передал письмо начальству. Дело дошло до министра, который потребовал, чтобы студенты просили у Берви извинения. Студенты выполнили это требование, но тут же заявили, что всё-таки слушать лекций Берви не будут. Профессору пришлось оставить университет. «Виновным» студентам грозило наказание. Статья Добролюбова помогла им избежать тяжёлых последствий гнева начальства (см. у С. А. Венгерова, Критико-биографический словарь, т. III, Петербург 1892, стр. 17 и сл.).

2

Видоизменённые стихи из 4-й строфы оды Г.
Р. Державина «Бог».

[^^^]

3

Имеются в виду левые гегельянцы Штраус, Фейербах и др.

[^^^]

4

Кифа Мокиевич – анекдотический персонаж «Мёртвых душ» Гоголя.

[^^^]

«Письмовник» Н. Г. Курганова – распространённый в XVIII и в начале XIX века сборник грамматических правил, рассказов, стихов, анекдотов и пр.

[^^^]

6

О Берви см. ещё в статье «Органическое развитие человека...» (стр. 157).

[^^^]